

Герман ВЛАСОВ

* * *

В августе пешеход чаще смотрит под ноги:
что там — листва ли, корень, шпалы узкоколейки,
если заметит гриб — много грибов находит.
Переползет тропу пестрым узором змейка.

В август фоном звучит, соседней дорожкой память —
первый ли снег, пушок над губою, юность,
детство ли, отрочество, укором — могильный камень.
Или — крымский песок, моря лазурь и южность,

вольность, ветер, гроза. Нет для стихии закона.
Август — время сводить переводные картинки,
слайды смотреть на свет. Так игла патефона
силится вспомнить ей сыгранные пластинки;

редко, но воскресить: волны, их шум песочный
принесут гребешок — профиль Милены, Пленеры.
Все-таки море лучше трубы водосточной,
мебели полировки, где поверх нее сувениры.

РУСАЛКА

Отчего ты сегодня скрытная? —
Оттого что плавала с рыбами,
Целовалась с большими тенями
И речные рвала растения.

Отчего ты сегодня тихая? —
Слишком громко часы мне тикали,
Бой их был как напоминания,
И хрипели они названия

Позабытой наутро местности.
Узнаешь ли сейчас окрестности:
Речки узкой кувшинки желтые,
Чья вода каждый вечер шелкова?

Герман Власов — поэт, переводчик, эссеист. Родился в 1966 году в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, член студии И. Л. Волгина «Луч». Лауреат премии Фазиля Искандера (2021), дипломант Ахматовской премии (2023), автор многочисленных книг. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Новый берег», «Дети Ра», «Зинзивер» и др.

И чешуйки, что в толще прячутся
Водяной, не твое ли платье,
А луна, что в ней отражается,
Уж не пояс ли твой, красавица?

А сама ты, бледная, жалкая,
Говори скорей, не русалка ли?
И зачем белизной ли, голосом
Привела на купанье молодца?

* * *

я говорю о затухании
окружном о накале взора
о ясности благоухании
о ледяном

и что позора
не избежать когда не вынырнешь
из духоты где угореть и
когда во двор подростком выбежишь
и гладит ветер

лицо еще лицо и волосы
когда к себе и миру жалость
арктической охватит полостью
и вдруг обрадовала малость

какое-то пальто мелькнувшее
учтивость капюшон прохожего
тебе и верное и нужное
внутри похожее

тогда и поднимаешь голову
глядишь поверх и без укора
знакомым называя голосом
что будет скоро

* * *

Было время без вины —
длинное, прямое, зрячее.
Было время — влюблены
в нас прямоходящие

были. Лазили под стол
пахнувший и праздничный.
И никто не скажет стоп,
не докажет разницу

между запертым окном
и листвы смещением,
между ветром и стеклом,
проблесками, тенями.

Выросли? Наверно, нет —
тусклым освещением
стало, и большой портрет
вынесли из помещения.

Там в одно из первых утр
остывало творчество.
Белый одуванчик мудр —
так что дуть не хочется.

Он в руке твоей застыл,
будто кончик света он,
будто сам его лепил,
выдумать советовал.

* * *

Широко, так что видно пороги-
шагомеры; и горлом глотки
сосчитают, как медленно ноги
поднимаются; как ободки
у перил деревянные гладки...

Широко, потому что темно
и от эркера на площадке
вполовину забито окно...

И — на ощупь рукой-невеличкой
за вилюшку перила держась,
медных ручек, звонков и табличек
начинаешь улавливать связь...

Мне на пятый, мне в сорок вторую
на Высокой квартиру и год,
где без карточек и не воруют,
где культурный мой кодекс и код.
Карандаш где химический вывел
«Два звонка» и «Бойкова Н. Т.».
Где не знают за плюшевый вымпел
ни путевок и ни СНТ,
но стальная где жесткая воля
над громадой шестою земли,
где письмо не приносят от Коли, —
там на цыпочки встань и замри.

Прочитай по слогам и врастяжку
круговое «Прошу повернуть»
и одну в треугольник бумажку
сочини и попробуй вернуть.

* * *

Счастье выбежать под ливень,
снять простынки с бечевы,
воду называя Ильмень,
берег Волги, край Невы,

локон Дойбицы, Печоры
дух мятежный. Острова
сосчитать. Сказать, что скоро
перетрется бечева —

нить немая над водою.
Сидя с краю у воды,
понимая, что с бедою
справиться слабы труды, —

в камышах готовить лодку,
сети, весла и топор,
чтобы двум друзьям-погодкам
ночью выйти на простор.

На носу зажечь фонарик,
черпать веслами по дну,
править бот, казанку, ялик
на Медведицу одну.

* * *

Тонкие губы,
задающие корму
сплетням толстухек...
Все, что не губит —
придает нам форму;
все, что не душит,
в спину толкает,
волком глядит ли,
ставит подножку,
нас распекает,
ставит на вид ли —
все понарошку.

Недругов славлю,
козни их, ибо
косны, двойки:
выживет Авель,
женится Иов,
первым — Иаков.
Все, что витало,
жило наветом,
горечью, сором —
себя впитало,
стало портрета
дымкой, узором.

Так что, любимые,
славьте, и громче,
шаг мой и каждый:
глиною были мы,
скоро возропщем:
были однажды.
Вряд ли останется
важность и глупость,
шаги в потемках.
Что не состарится —
ясная хрупкость
в сердцах потомков.